

ние синтаксической синонимии проводится, в основном, с эмоционально-экспрессивной точки зрения, безотносительно к функционально-стилистической дифференциации типов речи. Кроме того, из поля зрения автора почему-то выпали морфологические явления.

В третьей части рецензируемой книги (стр. 339—366) рассматриваются фонетические средства выразительности современного немецкого языка. В первой главе данной части (стр. 339—352) трактуются стилистические проблемы звукового оформления (*Lautinstrumentierung*), во второй (стр. 352—366) освещаются ритмико-мелодические средства выразительности.

Приложение (стр. 367—398) содержит сжатый очерк метрики современного немецкого языка, причем автор подвергает специальному анализу стилистическую выразительность метрических форм (стр. 390—398).

\*

Сделанный нами краткий критический обзор «Очерков по стилистике немецкого языка» свидетельствует о том, что их автор последовательно освещает все (за исключением морфологии) аспекты языка, причем в центре его внимания все время находятся проблемы стилистической синонимии. Правильно оценивая положение стилистики как языковедческой дисциплины, соприкасающейся в известном плане с литературоведением, автор на протяжении всей книги не только исследует огромное богатство выразительных средств единого общенародного языка, но и показывает их использование в художественной литературе, что также составляет одну из положительных сторон рецензируемой работы.

Вместе с тем общее отставание стилистики как науки не могло не отразиться и на книге Э. Г. Ризель. В этой книге некоторые теоретические проблемы (например, понятие языковой нормы, понятие речевой «экспрессии») оказались обойденными, трактовка же ряда других представляется спорной. Вследствие этого «Очерки по стилистике немецкого языка» необходимо рассматривать главным образом как полезное практическое пособие, ценное богатством, хорошо подобранным иллюстративным материалом и образцами лингво-стилистического анализа. Стремление автора создать учебник по стилистике на основе достижений советского языкознания за последние годы нужно всячески приветствовать.

Н. И. Филичева

**П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка.** Перевод со 2-го франц. изд. Приложение и предисл. Я. М. Боровского. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1953, 340 стр., 1 карта.

Греческий язык представляет особый интерес для языкознания, во-первых, потому, что мы, располагая его письменными памятниками, можем наблюдать почти трехтысячелетнюю историю этого языка со времен Гомера вплоть до наших дней. Во-вторых, греческий язык донес до нас такие древние черты, которые были им унаследованы от доисторического периода, связанного с индоевропейской эпохой, с индоевропейским языком-основой. Это делает греческий язык чрезвычайно важным для сравнительно-исторического языкознания. В-третьих, греческий язык богат диалектами, которые нам стали известны главным образом благодаря многочисленным археологическим (эпиграфическим) находкам на территории как собственно Греции, так и ее многочисленных колоний, в том числе существовавших на юге нашей родины.

Общезвестно далее большое культурное влияние древней Греции и Византии на развитие европейской и русской культуры, в связи с чем нельзя не отметить, что в международном фонде словаря, в его общественно-политической, философской, лингвистической, литературоведческой, искусствоведческой и научно-технической терминологии элементы греческой лексики и отчасти морфологии доньше играют колоссальную роль (ср. *демократия, аристократия, философия, материя, космогония, грамматика, филология, эпос, лирика, драма, театр, биохимия, генетика* и т. д.). Наконец, греческая грамматика — это также факт общезвестный — стала прообразом грамматик всех европейских языков, начиная с латинского.

В дооктябрьский период греческая грамматика обслуживала в нашей стране главным образом практические потребности школы, особенно классических гимназий. Научная историческая грамматика греческого языка преимущественно изучалась как составная часть индоевропейской сравнительно-исторической грамматики, причем больше всего внимания уделялось фонетике, меньше морфологии<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См.: Ф. Ф. Фортунатов, Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков, Пб., 1922; В. А. Богородицкий, Сравнительная грамматика арио-европейских языков, вып. 1 [—Фонетика], Казань, 1914; его же,

Господство теории Н. Я. Марра в советском языкознании не могло способствовать развитию сравнительно-исторического изучения греческого языка. Только в 1948 г. был опубликован первый за советский период учебник для вузов «Древнегреческий язык», составленный таким крупным специалистом, как член-корр. АН СССР С. И. Соболевский<sup>1</sup>.

В этом руководстве, предназначенном для приступающих к изучению греческого языка, даны все разделы грамматики — фонетика, морфология и синтаксис — в плане описательно-нормативном, причем, как подчеркивает автор в своей «Исторической справке», под «греческой грамматикой» разумеется грамматика аттической прозы классического периода (V—IV вв. до н. э.). Однако в книге помещен и краткий очерк грамматики гомеровского диалекта.

Ни исторической грамматики древнегреческого языка, ни его общей истории на русском языке до сих пор нет. Понятно, что в поисках выхода из такого положения приходится обращаться к книгам зарубежных ученых. Обычно обращаются к небольшим книгам, приспособленным прежде всего служить пособием для высшей школы. Репринзируемая книга французского классика П. Шантрена, как говорит в предисловии автор, «...имеет целью оказать учащимся такую же помощь в изучении греческого языка, какую они получают в отношении латинского от «Исторической морфологии латинского языка» А. Эрну. Автор попытался показать в своей работе развитие языковых фактов от Гомера до Нового завета, учитывая важнейшие особенности диалектов и кратко отмечая там, где это было уместно, какое продолжение имело древнее развитие в новом языке: в истории греческого языка наблюдается непрерывность, которую важно показать» (стр. 8).

Так как морфология требует определенных знаний фонетики, особенно закономерностей в изменениях вокализма корня, известных в сравнительно-исторической грамматике под названием а б л а у т а, который играет немаловажную роль в образовании форм греческого глагола (ср., например, греч. λέγω, ἔλεγον, λέλπιτα, где чередуются в формах презенса, аориста и перфекта три огласовки ε, ι, α), то автор предпослал изложению морфологии краткий параграф (стр. 9—12) «Индоевропейское чередование гласных», которым и начинается книга. В первых же словах подчеркивается тот факт, что «индоевропейская морфология характеризовалась не только наличием системы окончаний, но также смещениями ударения (ср. § 60, 359 и др.) и изменениями вокализма корня и других морфологических элементов, носящими название чередования гласных» (стр. 9). Дальше книга разделена на две части почти одинакового размера. Часть первая носит заглавие «Имя» (стр. 13—126), часть вторая называется «Глагол» (стр. 127—275).

Первую часть «Имя» автор начинает с характеристики индоевропейского склонения, которое представляло собой сложную систему, заключавшую в себе три грамматических рода, три числа и восемь падежей (именительный, звательный, винительный, родительный, дательный, орудийный, местный и отложительный). Уже в древнейших греческих текстах замечается утрата в падежной системелого ряда форм, в результате чего древнегреческий язык сохранил особые формы лишь пяти падежей — именительного, звательного (не во всех склонениях), винительного, родительного, дательного, — причем только первые два имеют определенное единое значение, остальные же совмещают в себе различные смыслы, нередко уточняемые присоединением предлогов.

Затем очень кратко рассмотрен вопрос о грамматической категории числа. Здесь констатируется утрата двойственного числа, которое, однако, сохранялось в аттическом диалекте в форме именительного-винительного падежа только у некоторых типов основ, окончательно же оно исчезло в греческом языке лишь в I в. н. э.

Более подробно автор останавливается на категории грамматического рода, отмечая, что в ходе исторического развития языка противопоставление одушевленного и неодушевленного рода утрачивает всякое конкретное основание и становится чисто грамматическим. Внутри одушевленного рода существует противопоставление мужского и женского грамматических родов, столь же древнее, но морфологически менее четкое. В индоевропейском языке все типы существительных допускают одинаково оба рода, причем особенно ясно это в атематическом третьем склонении. В общем же в греческом языке можно обнаружить последовательное стремление к противопоставлению мужского и женского рода, особенно для различения живых существ по полу. Для этой цели употреблялись не только окончания, но и многие суффиксы. В индоевропейском склонении существовало чередование гласных предшествующего окончания элемента. Греческий язык сохранил это в пережитках (ср. πατήρ, вин. п. πατέρ-α, родит. п. πατρός).

Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков, [Фонетика и морфология], 2-е изд., испр. и значит. доп., Казань, 1917 (санскрит, греческий, латинский, старославянский).

<sup>1</sup> С. И. С о б о л е в с к и й, Древнегреческий язык, М., 1948.

Сохранились в греческом языке и следы передвижения ударения в слове для различия прямых и косвенных падежей: ποῖς, родит. п. ποδός, вин. п. πόδα. Хотя падежи различаются своими окончаниями, но часто бывает трудно определить границу между падежным окончанием и формой основы. Легко сделать это в таких формах атематического склонения, как θῆρ, θῆρ-ος, θῆρ-ι, θῆρ-ες.

Однако «несмотря на свое упрощение и на те изменения, которым она подверглась, — заключает автор, — система греческого склонения продолжает индоевропейскую систему» (стр. 22).

Вся рассмотренная нами вводная глава (стр. 13—22) написана под сильным влиянием А. Мейе<sup>1</sup>, повторяя почти в тех же выражениях и с теми же примерами некоторые его положения (ср., например, стр. 19, § 9 книги П. Шантрена и стр. 206 книги А. Мейе).

Далее излагается система древнегреческого склонения существительных, в которой различаются три основных типа склонения: 1) тематическое склонение (типа λύ-ος), так называемое второе склонение школьной грамматики, 2) атематическое, резко от него отличающееся и носящее архаический характер (третье склонение школьной грамматики) и 3) тип склонения основ на -ᾱ (долгое) — первое склонение школьной грамматики, имеющее точки соприкосновения в некоторых отношениях с атематическими именами (окончание родительного падежа, следы чередования гласных и перемещение ударения), но в других отношениях приближающееся к тематическому склонению (например, в формах дательного падежа единственного числа и именительного и дательного падежей множественного числа).

Не входя в подробности (см. стр. 22—83), отметим в этом разделе, весьма содержательном по богатству привлеченного диалектального материала греческого языка, ряд важных сравнительно-исторических комментариев к отдельным формам падежей, их фонетико-морфологической структуре, окончаниям и т. д. При этом проводится сравнение и с другими индоевропейскими языками, особенно с латинским. Из греческих диалектов особое внимание правильно уделяется автором гомеровскому, нередко дающему благодаря своей древности ключ к решению генетических вопросов (см., например, стр. 25—26 о родительном падеже; стр. 28 о дательном падеже множественного числа; стр. 37 о родительном падеже множественного числа).

Но и в прочих греческих диалектах мы часто находим живой комментарий к формам аттического, ставшего наиболее распространенным и сделавшегося нормой для общелитературного языка (см., например, критскую диалектную форму окончания винительного падежа множественного числа -ους, из которой легко объясняется ионийско-аттическая форма на-οῖς, например, λύκους).

В склонении типа основ на -ᾱ (ἡμέρᾱ, δόξα) наиболее интересно новообразование, «составляющее отличительную черту греческого языка». Оно заключается в создании как бы особого склонения основ на -ᾱ мужского рода, обозначающего лиц мужского пола. Однако отличия его от склонения существительных женского рода сводятся лишь к следующему: 1) формы именительного падежа единственного числа имеют окончание -ς, по образцу слов типа λύ-ος, например, νεανίᾱς «юноша», πολίτης, дорич. πολίας; 2) родительный падеж единственного числа имеет окончание -ου: νεανίου, πολίτου, по образцу λύκου, λόγου.

Атематическое склонение охватывает целый конгломерат различных основ всех трех грамматических родов. Эти основы естественно распадаются на две группы: 1) основы на согласные и 2) основы на гласные, причем обе группы не подверглись взаимному влиянию, как в латыни, так что классификация эта отличается четкостью. Первая группа включает в себя ряд основ с различными конечными согласными, вторая — основы на конечные гласные -i- и -u-.

Мы не можем входить в детальное рассмотрение этой главы, занимающей 40 страниц, обильно насыщенной огромным фактическим — преимущественно диалектальным — материалом, разработанным с редкой для подобного рода учебных пособий полнотой, но должны отметить, что автор избрал удачный, на наш взгляд, прием подачи материала учащимся, выделяя в начальных параграфах раздела или главы наиболее существенные узловые моменты, которые в последующем изложении, постепенно развертываясь, вводят в детали описания каждого рассматриваемого лингвистического факта. Автор при этом комментирует склонения в их формах, прибегая к сравнению с другими индоевропейскими языками (особенно часто с латинским) и раскрывая многообразие диалектальных форм внутри греческого языка. Ввиду того, что к атематическому склонению относится множество «исключений», автору приходится часто излагать историю отдельных слов, например, слов γυνή «женщина», ποῖς и т. д. (стр. 50—83).

По такому же типу построены и прочие разделы первой части, куда включены «Система прилагательных» [стр. 83—97; 1) склонение; 2) степени сравнения]; «Нареч-

<sup>1</sup> См. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938.

ные формы» (стр. 97—100); «Местоимения» [стр. 100—119; 1) указательные, относительные, вопросительные и неопределенные, отличающиеся различием грамматического рода; 2) личные, не имеющие родовых форм, возвратное местоимение]; «Имена числительные» (стр. 120—126; числительные количественные и порядковые).

Часть вторая «Глагол» занимает большую часть книги (стр. 127—275). Эта часть так же, как и первая, предваряется небольшим введением (стр. 127—133), где прежде всего освещается проблема генезиса глагольной системы древнегреческого языка. Автор раскрывает связь этой системы с индоевропейской.

Тремя главными временными основами служили настоящее время, аорист и перфект, и в этом отношении греческая глагольная система архаичнее латинской, в которой существует противопоставление лишь инфекта и перфекта. Важна и другая особенность указанной системы — различие этих трех основ выражало в сущности не время действия, а вид, т. е. характер протекания процесса. Автор определяет значение этих форм следующим образом: «Форма настоящего времени обозначает действие как длящийся процесс; аорист обозначает его в полном отвлечении от длительности; перфект, стоящий несколько особняком и постепенно утрачивающий в греческом языке свое первоначальное значение, а затем и вовсе исчезающий, обозначает состояние субъекта или объекта действия» (стр. 128). Характерно для глагольной системы греческого языка явление супплетивности, в котором важную роль играла семантика глагольных основ и корней. Дуративное значение (длительности) делало корень более пригодным для образования основы настоящего времени; там, где не было этого оттенка значения, глагольные корни становились в форме аориста выразителями значения действия самого по себе.

Противопоставление глагольных форм по «виду» является основой древнейшей структуры греческого глагола. В дальнейшем перфект в ходе истории греческого языка втягивался в двух противоположных направлениях — и в систему настоящего времени, и в систему аориста.

В результате многовекового развития в греческом языке установилась, как отмечает автор, определенная смысловая, а часто и формальная связь между различными унаследованными от индоевропейского языка основами, так что каждый глагольный корень получил свою систему спряжения. Общая тенденция языкового развития заключалась и проявлялась в установлении известной правильности образования временных форм, устойчивого единообразия спряжения, которое постепенно отбрасывало пестроту «исключений» и только изредка сохраняло супплетивизм. И тем не менее древнегреческое спряжение и в «классическую» эпоху развития греческого языка представляет собой очень сложную систему грамматических категорий, отличается и формальным многообразием их выражения, и обилием семантических оттенков этих форм.

П. Шантрэн, развертывающий в своем изложении историческую перспективу развития всей этой сложной глагольной системы древнегреческого языка с индоевропейской эпохи вплоть до новогреческого периода, привлекает огромный фактический материал (из индоевропейских древних языков, главным образом санскрита и латинского, а также из древнегреческих диалектов) и пытается его прокомментировать с исторической точки зрения весьма детально, нередко вплоть до отдельных засвидетельствованных форм. Попытка эта, безусловно, заслуживает только одобрения, но нельзя не упрекнуть автора в том, что местами он несколько увлекся нагромождением подробностей и этим повредил перспективе нарисованной им картины развития греческой глагольной системы, которая получилась неясной и схематичной в своих контурах.

Эта перегрузка изложения фактическим материалом, с чрезмерным количеством деталей, нам представляется нецелесообразной особенно с педагогической точки зрения, так как книга предназначена служить учебным пособием. По нашему мнению, на молодого читателя этот раздел о глаголе должен производить подавляющее впечатление обилием материала с бесчисленным количеством фактов, материала, до предела детализированного и не всегда удачно сгруппированного, в результате чего основные линии развития глагольной системы греческого языка в этом лабиринте фактов теряют свою четкость и с трудом улавливаются не только еще не искушенным в науке учащимся, но и опытным глазом ученого. А для педагогических целей показ именно основных линий развития наиболее важен. В этом отношении первая часть книги, посвященная имени, производит более выгодное впечатление, хотя и она несколько перегружена, на наш взгляд, фактическим материалом. В этой перегрузке, думается нам, основной недостаток книги П. Шантрэна как пособия для учащихся.

Склонность автора к фактографии приводит его к увлечению формальной стороной развития языка, за которой не всегда ясно различимое внутреннее развитие греческой морфологии, связанное с семантикой рассматриваемых явлений. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением автора «Предисловия» Я. М. Боровского, который на стр. 4 подчеркивает обнаруживающуюся «иногда оторванность морфологической трактовки от семантической основы рассматриваемых явлений», ограничивающую «содержательность даваемого автором исторического объяснения». В качестве приме-

ра такой формалистической трактовки приводится как раз один из разделов книги, посвященной системе спряжения. Автор «Предисловия» справедливо упрекает П. Шантрена в том, что он, скользя по поверхности комментируемых им фактов изменения временно-видовых форм греческого глагола, проглядел истинную сущность этих изменений, заключающуюся в «... переходе от конкретных, тесно связанных с вещественным значением слова значений „интенсивности“, „однократности“, „повторяемости“ и т. п. к более абстрактным и тем самым более поддающимся грамматизации собственно временно-видовым значениям...» (стр. 4).

Нужно отметить и некоторые другие недостатки книги П. Шантрена. Во-первых, в книге, посвященной морфологии, совершенно отсутствует обзор именного словообразования, и это тем более удивительно, что автор книги в этой области морфологии зарекомендовал себя серьезным исследователем, создавшим капитальную монографию «Именное словообразование в древнегреческом языке»<sup>1</sup>, которую А. Мейе назвал «очень содержательной». Может быть, в условиях французской высшей школы каждый учащийся может легко обратиться к названной книге за соответствующими разъяснениями. Но у нас, при отсутствии подобного пособия, вопрос остается пока открытым. Пожалуй, переводчик настоящего издания, снабдивший книгу «Кратким очерком греческой фонетики», мог бы хотя бы в присоединенных к книге примечаниях отметить наиболее важные моменты из греческого именного образования. Во-вторых, морфология преподносится почти без всякой связи с синтаксисом, что, конечно, не способствует выработке у читателя правильного понимания взаимодействия обеих частей грамматики, как этого требует марксистское учение о языке.

Книга П. Шантрена дает огромный материал языковых фактов, морфологических в своем подавляющем большинстве, показывает их развитие как фактов греческого языка, но ограничивается большей частью их констатацией, почти не касаясь общественно-исторических условий, в которых протекало это развитие, не пытаясь осмыслить морфологические нововведения как элементы нового качества, как «...результат длительной, астрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»<sup>2</sup>. В такой книге, какую предложил студентам-филологам П. Шантрен, где такое большое внимание уделено диалектальным фактам, мы вправе ожидать хотя бы самого краткого обзора древнегреческих диалектов с их научной классификацией и характеристикой главных их отличий друг от друга. Такой обзор, который мог бы вместиться на 20—30 страницах, не очень увеличил бы размеры книги, но безусловно принес бы большую пользу учащимся, повидимому, еще не знакомым с греческой диалектологией, дал бы им ориентировку в массе разбросанного по книге диалектального материала, познакомил бы с диалектами в их целостности, сделал бы более ясными пути их развития от древнейшего греческого языка-основы.

Прибавление в конце книги краткой библиографии и «Краткого очерка греческой фонетики», составленных переводчиком, нужно одобрить, как и «Указатель греческих слов». Следовало бы еще прибавить «Предметный указатель», необходимый в подобных книгах.

В заключение нужно особо подчеркнуть следующие положительные стороны рецензируемой книги: ее полноту, обилие фактического материала, особенно диалектального, освещение фактов греческой морфологии сравнительно-историческим методом в плане сравнительной грамматики индоевропейских языков и путем сопоставления фактов греческих местных диалектов и литературных диалектов в пределах греческого языка. Большое значение имеет попытка автора показать непрерывность развития истории греческого языка (см. «Предисловие» автора), в чем также сказывается школа А. Мейе.

*М. Я. Немировский*

<sup>1</sup> P. Chantraine, La formation des noms en grec ancien, Paris, 1933.

<sup>2</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954. стр. 24.